

ОПИСАНІЕ ПУТЕШЕСТВІЯ РУССКОЙ МИСИИ ВЪ БУХАРУ ВЪ 1870 ГОДУ (*).

ОТЪ ТАШКЕНТА ДО САМАРКАНДА.

Назначеніе мисіи въ Бухару.—Цѣль мисіи.—Предстоящія трудности въ достиженіи цѣли.—Отъ Ташкента до Чиназа.—Почтовые станціи на чиназо-ташкентскомъ трактѣ.—Свойство дороги.—Мѣстность, по которой пролегаетъ дорога.—Зачырчакскій край.—Укрѣпленіе Новый Чиназъ.—Переправа черезъ Сыръ-Дарью.—Вторая станція отъ Чиназа.—Картина голодной степи.—Обратехи голодной степи.—Старинныя зданія въ степи.—Отъ Дивсака до Самарканда.

Въ отвѣтъ на посольство бухарское, которое, въ теченіи 1869—1870 года, было въ Ташкентѣ и С.-Петербургѣ, туркестанскій генераль-губернаторъ фонъ-Кауфманъ 1, въ апрѣлѣ 1870 года, снарядилъ русскую мисію въ Бухару. Главою мисіи избранъ былъ полковникъ С. И. Носовичъ, заслужившій всеобщее вниманіе знаніемъ характера туземцевъ и умѣніемъ обращаться съ ними. Членами мисіи назначены были пять человекъ офицеровъ и чиновниковъ, въ числѣ которыхъ находился и авторъ этихъ строкъ. Мисію долженъ былъ сопровождать конвой въ 50 казаковъ. Главная цѣль мисіи состояла въ заявленіи дружбы туркестанскаго генераль-губернатора бухарскому эмиру и упроченіи политическихъ и торговыхъ связей съ Бухарою.

До 1870 года, въ теченіи XIX столѣтія, въ Бухару были посылаемы четыре мисіи, а именно: первая въ 1819—1820 гг. (Негри и Мейендорфъ); вторая въ 1841 году (Бутешъ, Деманъ и Ханьковъ); третья въ 1859 году (Игнатьевъ) и четвертая въ 1865—1866 гг. (Струве и Глуховской). Неблагопріятный исходъ переговоровъ всѣхъ этихъ мисій уназывалъ на трудность веденія какихъ бы то ни было дипломатическихъ сношеній съ Бухарою.

Особенно памятна была судьба мисіи 1865—1866 года, которая изъ дипломатической обратилась въ плѣнную: мисіи эта просидѣла въ неволѣ семь мѣсяцевъ и едва освободилась изъ рукъ варварскаго правительства.

(*) Статья „Путешествіе русской мисіи въ Бухару въ 1870 г.“, помѣщенная въ № 10 „Воен. Сборн.“ за 1870 г., есть отрывокъ этого труда. *Ред.*

Въ совершенію предстоявшихъ затрудненій, разнесся слухъ, что въ Бухару прибыло изъ Кабула афганское посольство, въ средѣ котораго будто находились даже англійскіе комисары.

Различіе условій, въ которыхъ находилось бухарское правительство прежде и теперь, давало нѣкоторое право надѣяться если не на благоприятный исходъ переговоровъ, то, по крайней мѣрѣ, на личную безопасность членовъ мисіи.

Но и эта была лишь относительная, потому что ни на послѣдовательность политики бухарцевъ, ни на дружбу ихъ никогда рассчитывать нельзя. Все это заранее опредѣляло трудность дѣла, предстоявшаго мисіи, въ средѣ хотя и укрощенной, но все-таки необузданной Бухары, для которой понятія о международныхъ правахъ совершенно чужды и невѣдомы.

Сборникъ пунктовъ для членовъ мисіи былъ назначенъ Самаркандъ, откуда предполагалось двигаться совокупно.

Въ Самаркандѣ я выѣхалъ изъ Ташкента 1-го мая, по почтовой дорогѣ черезъ Чиназъ.

Дорога отъ Ташкента до Чиназа приятно удивляла меня, какъ, думаю, не менѣе приятно удивляетъ всякаго, проѣзжающаго по этой дорогѣ теперь, и проѣзжавшаго по ней за нѣсколько мѣсяцевъ прежде. За исключеніемъ почтовой станціи въ Ташкентѣ, всѣ остальные, до Чиназа включительно, содержатся весьма добросовѣстно, и ночтовая гоньба почты во всемъ напоминаетъ Европейскую Россію. На почтовыхъ станціяхъ устроены болѣе или менѣе приличные домики, въ которыхъ проѣзжающій можетъ отдохнуть удобно: лошади содержатся въ достаточномъ количествѣ, хорошо сѣзжаны, не измучены и везутъ васъ со скоростью 10—12 верстъ въ часъ. Ящики на станціяхъ или русскіе, или татары, говоряшіе по-русски и даже умѣющіе править лошадьми. Обруа исправна, во время ѣзды не рвется, какъ это бывало весьма нѣрвно прежде. Заведены даже колокольчики, которые еще болѣе переносятъ ѣдущаго въ Россію. Наколець, неимѣющіе своего экипажа располагаютъ на каждой станціи двумя русскими телѣгами и одною туземною арбою. Недостаетъ только прочныхъ мостиковъ черезъ рытвины, то и дѣло прерывающіе путь повсемѣстно въ Средней Азіи, и нѣтъ еще верстовыхъ столбовъ по дорогѣ: но это уже роскошь, о которой покуда даже и думать не дозволяется.

Что касается до подотна дороги, то и оно, въ эту пору года, было весьма удовлетворительно, исключая участка въ пять верстъ предъ Чиназомъ, между этимъ укрѣпленіемъ и мѣстечкомъ Старля Чиназъ,

гдѣ уже образовались порядочныя выбоины. Въ концѣ лѣта, говорятъ, такія же выбоины образуются и на всемъ протяженіи чиназо-ташкентскаго тракта. Слѣдуетъ упомянуть также о пыли, которая густыми клубами врывалась въ экипажъ.

Впрочемъ, выбоины и пыль не представляютъ диковинки для русскаго путешественника, достаточно съ ними освоившагося внутри Россіи. Осенью эта дорога, какъ и вообще всѣ средне-азіятскія дороги, дѣлается крайне грязною, и всѣ ухищренія, предпріятыя съ цѣлью устранить этотъ огромный недостатокъ, до сихъ поръ оказываются тщетными.

Дорога все время идетъ правымъ берегомъ быстраго Чирчика, который, являясь и разбиваясь на рукава, то подбѣгаетъ къ самой дорогѣ, то удаляется отъ нея. Мѣстность вообще ровная; особенно крутыхъ подъемовъ и спусковъ нѣтъ. Изъ Ташкента дорога сперва идетъ садами, которые почти непрерывно тянутся верстъ на 20; затѣмъ проходитъ по открытой мѣстности, и только подъѣзжая къ Чиназу, верстъ за 10, снова появляются сады.

Проходя нагорнымъ берегомъ Чирчика, чиназо-ташкентская дорога пролегаетъ по мѣстности, не отличающейся большою населенностью и культурою. Деревни и деревушки густою сѣтью раскинулись на лѣвомъ берегу Чирчика, между этою рѣкою и Анграмомъ. Легкость проведенія арыковъ (оросительныхъ канавъ) дѣлаетъ всю эту страну, носящую названіе *Зачирчикскаго края*, весьма плодородною, производящею въ изобиліи пшеницу и рисъ и слывущую за житницу Ташкента и всей Сыръ-Дарьинской Области. Укрѣпленіе Чиназъ или, какъ его официально называютъ, «Новый Чиназъ», лежитъ на правомъ берегу Чирчика, при слияніи его съ Сыромъ.

При сооруженіи этого укрѣпленія, имѣлось въ виду, съ одной стороны, держать въ своихъ рукахъ переправу черезъ многоводную и главную рѣку Средней Азій, а съ другой, устроить здѣсь портъ, или, по крайней мѣрѣ, пристань для пароходовъ аральской флотиліи, навлечь возможно-большую пользу отъ пароходства на этой рѣкѣ.

Мѣстоположеніе укрѣпленія въ высшей степени безотрадное: кругомъ разстилается открытая равнина, обнаженная отъ всякой растительности, беспощадно пропекаемая лѣтнимъ солнцемъ и не защищенная отъ холодныхъ зимнихъ вѣтровъ.

Печальному виду мѣстоположенія отвѣчаетъ вполне унылый видъ построекъ — сѣредьбыхъ, низенькихъ, какъ бы придавленныхъ.

Новый Чиназъ состоитъ изъ двухъ частей: укрѣпленія, занимающаго уголь, образуемый слияніемъ Чирчика съ Сыромъ, и слободки,

прислонившейся къ Сыръ-Дарьѣ и отдѣленной отъ укрѣпленія вспладою сажень въ 200 ширины.

Укрѣпленіе состоитъ изъ длинной стѣны, туземнаго способа постройки, съ зубцами. Стѣна, вслѣдствіе чрезмѣрной рыхлости грунта, несмотря на недавнее сооруженіе, уже осыпается; кромѣ того, протяженіе ея далеко несоразмѣрно съ численностью гарнизона. Гарнизонъ укрѣпленія составляетъ одинъ изъ туркестанскихъ линейныхъ баталіоновъ, размѣщенный въ казармахъ, лучшее украшеніе которыхъ садики, разведенныя между постройками.

Въ слободкѣ садиновъ нѣтъ, такъ какъ она населена русскимъ промысловымъ людемъ, но большей части кабачниками (*), слѣдовательно, неизмѣнными времени заниматься такимъ дѣломъ, какъ разведеніе садовъ.

Сколько нибудь большихъ капиталовъ въ Чиназѣ не имѣется: населеніе здѣшнее—мелкіе торгаша, стремящіеся эксплуатировать и своихъ, и туземцевъ. Чтобы умѣрить подобную эксплуатацію, вѣстное управленіе устроило здѣсь рядъ лавочекъ для туземцевъ. Хотя эти лавочки и составляютъ главную улицу слободки, но онѣ стоятъ по большей части пустыми и наполняются лишь разъ въ недѣлю, въ базарный день (по понедѣльникамъ), когда наѣзжаютъ сюда туземные купцы изъ сосѣднихъ деревень (особенно изъ Стараго Чиназа) и изъ ауловъ, съ мелкимъ товаромъ, который и продается какъ русскимъ солдатамъ, такъ и кочевникамъ—киргизамъ, приходящимъ изъ за Сыръ-Дарьи.

Главнѣйшіе продукты торго: клеверъ (который покупаютъ казацы сотни, расположенныя въ Чиназѣ), мука, крупа, кошмы (войлоки) и другіе предметы, существенно необходимые.

Значеніе Новаго Чиназа, безспорно, должно увеличиться, въ настоящее время, съ учрежденіемъ почтоваго тракта изъ Ташкента въ Самаркандъ.

Проживъ въ Чиназѣ три дня, я успѣшилъ выбраться оттуда, боясь быть задержаннымъ на неопредѣленное время, вслѣдствіе проѣзда афганскаго хана (изъ Ташкента въ Самаркандъ).

Верстахъ въ двухъ отъ города, внизъ по р. Сыру, предстоитъ переправа черезъ эту рѣку. Ширина рѣки, на мѣстѣ переправы, около 250 сажень. Переправа находится въ рукахъ ташкентскаго негодяя Шарофея, который платитъ правительству около десяти съ половиною тысячъ рублей въ годъ. Переправляются на довольно помѣтительномъ желѣзномъ паромѣ, принадлежащемъ аральской флотиліи.

(*) Здѣсь что ни домъ, то кабачъ.

Перебравшись на лѣвый берегъ Сыра, я очутился въ такъ называемой «Голодной Степи». До второй станціи, дорога идетъ по мѣстности, частію болотистой, покрытой камышемъ и осокою, частію кочковатой; эта дорога не весьма удобна даже и въ маѣ, по причинѣ тѣхъ неровностей и выбоинъ, которыя характеризуютъ ее въ сухое время, и отъ чрезмѣрной вязкости грунта и сильной грязи, появляющейся въ ненастное время.

Вторая станція отъ Чиназа расположена у шести колодезь, которые все имѣютъ воду горькую и къ употребленію негодную. Люди, живущіе на станціи, достаютъ для себя прѣсную воду изъ колодца расположеннаго въ двухъ верстахъ отъ станціи.

Оставляя эту станцію, я былъ пораженъ зрѣлищемъ разстилавшейся передо мною равнины: я увидѣлъ необозримую степь, гладкую, какъ поверхность моря въ тихую погоду.

Если альпійскія страны, гдѣ путникъ на каждомъ шагу встрѣчаетъ преграду и опасность, представляютъ невыразимую прелесть и очарованіе, то не менѣе прелести и очарованія являетъ степная, безграничная мѣстность, гдѣ такъ гладко, что хоть шаромъ покатить—мѣстность, о которой русскій умъ сложилъ поговорку: «тишь да гладь, да Божья благодать». Но какъ пріятно въ странѣ гористой путешествовать пѣшкомъ и съ посохомъ въ рукахъ, такъ, на оборотъ, здѣсь путешествіе можетъ быть пріятнымъ лишь тогда, когда быстро несешься или верхомъ на лошади, или въ экипажѣ, на лихой тройкѣ. Прекрасно содержимыя станціи въ Голодной Степи вполне удовлетворяютъ этому условію.

Русскія тройки быстро проносятся по степи, гдѣ, въ прежнее время, тащались, какъ черепахи, одни верблюжьи транспорты.

Я мчался десятки верстъ, не видя передъ собою ничего, кромѣ земли и лазуреваго неба, которое, огромнымъ куполомъ, высилось надъ головою. Выраженіе: «чистое поле» какъ нельзя болѣе идетъ къ Голодной Степи; несмотря на то, что было только начало мая, трава уже вся выгорѣла и поверхность мѣстами была голая, какъ ладонь. Только кое-гдѣ показывался, еще не успѣвшій засохнуть и сгорѣть, бурьянъ.

Кашгаръ-Даванскій хребетъ начинаетъ видѣться на горизонтѣ послѣ третьей станціи, Мурза-Рабать. Несмотря на скудость, почти отсутствіе растительности, степь однако не безжизненна: она имѣетъ своихъ обитателей. Сюда относятся міриады фалангъ, скорпионовъ, тарануль и другихъ ползающихъ насѣкомыхъ; затѣмъ ее населяютъ черепахи, которыя иногда появляются въ такомъ изобиліи,

что то и дѣло попадаютъ подъ ноги лошади или подъ колеса экипажа. Птицъ также довольно: то стая дикихъ голубей пролетитъ надъ головою, то юркнуть въ сторону испуганная куропатка, то благоголовый беркутъ спустится надъ навшю отъ безкормицы лошадей или верблюдомъ. Если, при путешествіи по Европейской Россіи, время отъ времени встрѣчается по дорогѣ падалъ, то въ Азійскія степи животныя могутъ служить, до нѣкоторой степени, указателями пути.

Любуясь степью, я старался анализировать то пріятное чувство, которое она возбуждала. Базалось бы, что однообразіе — синонимъ скуки и утомленія, а между тѣмъ однообразіе степи веселило меня.

Обаяніе степи истекаетъ изъ двухъ источниковъ: во первыхъ — вслѣдствіе ея единообразія, и во вторыхъ — отъ внушаемаго ею довѣрія и безопасности. Не всякое единообразіе утомительно: чистая, ровная, тягучая нота на скрипкѣ, безконечная даль лазуреваго неба, безбрежная синь спокойнаго моря, ровная зелень обширнаго луга — безспорно прекрасны. Чистота звука, чистота цвѣта, чистота и равность поверхности совершенно объясняютъ прелесть и гармонию чистаго поля. Степь очаровываетъ также и тѣмъ, что вселяетъ въ человѣка надежду на безопасность. Въ то время, какъ въ странахъ гористыхъ человѣкъ долженъ быть постоянно на-сторожѣ, вниманіе его каждую минуту возбуждено, силы напряжены, въ степяхъ имъ овладѣваетъ полное спокойствіе и безпечность. Русскій характеръ «на авось» могъ выработаться только на равнинахъ. Подозрительный, осторожный, чуткій характеръ кавказца могъ сформироваться только въ горахъ. Житель равнины всегда простодушенъ и чистосердеченъ; горюцъ всегда хитеръ и лудавъ; за то послѣдній болѣе храбръ и независимъ.

Все, сказанное о характерѣ степныхъ жителей, относится и къ тѣмъ кочевникамъ, которые населяютъ Голодную Степь по ея окраинамъ, придерживаясь либо Сыръ-Дарьи, либо источниковъ выходящихъ изъ Башгарь-Даванскаго и Нуратынскаго хребтовъ, огибающихъ степь съ юга. Киргизы и узбеки, живущіе здѣсь, огличаются дѣтски-наивнымъ простодушіемъ и открытымъ нравомъ. Никакихъ воицкихъ наклонностей они не проявляютъ, и хищничество имъ совершенно чуждо. Да и вообще вся степь не носитъ на себѣ никакого сѣда, который указывалъ бы на сооруженія имѣющаго военскій характеръ. По краевой мѣрѣ, на протяженіи 130 верстъ, отъ Чиназа до Джизава, мѣтъ ни одной вѣрплости, ни одного укрѣпленія. Наоборотъ: путешественника пріятно поражаютъ встрѣчаемыя по дорогѣ старинныя постройки изъ обожженнаго кирпича, которыя, очевидно, предна-

значались для удобнаго слѣдованія по стени торговыхъ каравановъ. Первое такое зданіе встрѣчается верстахъ въ 40 отъ Чиназа; второе на станціи Мурза-Рабатъ, гдѣ, кромѣ того, есть еще и другое, гораздо большее зданіе, и, наконецъ, третье — на станціи Агачты, въ 35 верстахъ отъ Джизака. Всѣ эти зданія (кромѣ большаго, мурза-рабатскаго) снаружи имѣютъ видъ полушарнаго свода, съ семью стрѣльчатыми окнами, основанія которыхъ касаются самой поверхности земли. Зданія возвышаются надъ горизонтомъ около двухъ саженъ, и около же двухъ саженъ углубляются въ землю, такъ что изнутри они походятъ на башни, имѣющія въ діаметрѣ 18 шаговъ. Толщина стѣнъ до 1½ аршина; спускъ во внутренность башни также вымощенъ камнемъ, притомъ онъ не прямой, но идетъ подъ угломъ. Въ мурза-рабатской и агачтынской башняхъ вырыты колодцы съ прѣсною водою. Замѣчательно въ этихъ башняхъ то, что своды ихъ незамкнуты, но имѣютъ отверстіе, около двухъ аршинъ въ діаметрѣ. Башни называются «сардабами», что, въ переводѣ съ персидскаго, означаетъ: «крышка холодной воды». Этимъ названіемъ объясняется и назначеніе башенъ: онѣ служили водохранилищами, защищавшими воду отъ испаренія и согрѣванія; вода же проводилась сюда изъ арыковъ (канавъ), нѣкогда (въ половинѣ XVI столѣтія) орошавшихъ Голодную Степь. Теперь арыки совершенно заглохли, и колодцы въ башняхъ вырыты уже русскими.

На третьей станціи отъ Чиназа, какъ я уже сказалъ, кромѣ башни или сардаба, находится еще зданіе большаго караванъ-сарая. Этотъ послѣдній выстроенъ весь надъ поверхностью земли, въ видѣ правильнаго четырехугольника; зданіе имѣетъ кругомъ открытую галерею, своды которой поддерживаются арками. Своды и здѣсь незамкнуты, но имѣютъ небольшія отверстія.

Кирпичъ, изъ котораго сложены всѣ описанныя мною строенія, отличается чрезвычайною доброкачественностію. Удивительно, какимъ образомъ туземцы умѣли такъ хорошо выжигать кирпичъ прежде и почему не умѣютъ фабриковать его теперь.

Вообще, Голодная Степь, какъ и вся Средняя Азія, представляетъ слѣды существованія здѣсь нѣкогда болѣе могучей жизни. Въ степи и помынѣ видны признаки оросительныхъ канавъ, тянувшихся на 100 и болѣе верстъ. Теперь обширныя пространства пустыни остаются незаселенными, за недостаткомъ воды.

Дать воду степи—значитъ дать ей жизнь. Вотъ почему администрація Туркестанскаго Края серьезно занята мыслью о способахъ

орошенія Голодной Степи. Но пока еще произведенныя изслѣдованія не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ.

Отъ Джизака характеръ мѣстности совершенно измѣняется: верстахъ въ трехъ отъ этого города, у русскаго поселенія, именуемаго «Блючевымъ», начинается джелакъ-утиинское ущелье, которое тянется верстъ на двадцать. Это ущелье, и вообще дорога отъ Джизака до Самарканда, не имѣла для меня, равно какъ не имѣетъ и для читателя, характера новизны, почему описывать ее подробно не стану.

Въ Самаркандѣ я пріѣхалъ 6-го мая.

САМАРКАНДЪ.

Видѣній видъ Самарканда.—Больница и школа, устроенныя русскими для туземцевъ.—Еврейскій кварталъ.—Статистическія данныя о Самаркандѣ: азіатскомъ (туземномъ) и русскомъ.—Окрестности Самарканда.—Вечеръ у самаркандскаго казы.

Самаркандъ я встрѣтилъ, какъ стараго знакомаго, который, надобно отдать ему справедливость, похорошѣлъ въ теченіе полутора года, съ тѣхъ поръ, когда я увидѣлъ его въ первый разъ. Городъ совершенно обновленъ. Главныя улицы проложены за-ново; онѣ отдѣланы прямыми, ровными, широкими, въ противоположность прежнимъ—узкимъ, кривымъ и неровнымъ. Площади расчищены; старинныя зданія, памятники минувшей эпохи, кое-гдѣ поисправлены стараніями русскія властей и будутъ поддерживаться и впередъ. Цитадель и русскія постройки внутри ея также приведены въ порядокъ.

Въ числѣ полезныхъ учрежденій, основанныхъ русскими въ Самаркандѣ, слѣдуетъ упомянуть о больницѣ и школѣ для туземцевъ. Больница устроена въ одной изъ бывшихъ медресе и открыта въ мартъ нынѣшняго года. Она находится въ азіатскомъ городѣ, вблизи цитадели. Зданіе весьма хорошее и вполне отвѣчаетъ своему назначенію. Оно расположено въ видѣ четырехугольника, съ такимъ же дворомъ внутри; посреди двора выкопанъ довольно большой прудъ, осыенный деревьями; комнаты для больныхъ, числомъ 22, расположены въ рядъ, такимъ образомъ, что въ каждой палатѣ могутъ свободно помѣститься два человека. Свѣтлый и чистый коридоръ проходитъ вдоль комнатъ. Больница содержится на городскія суммы; при ней живутъ два фельдшера и одинъ надзиратель. Русскій медикъ навѣщаетъ больныхъ ежедневно. Сарты сперва неохотно поступали въ больницу, устроенную кафирами (невѣрными), но теперь начинаютъ постепенно сознать всю ея пользу.

Школа устроена также въ азіатскомъ городѣ; въ ней обучаетъ

учитель, нарочно взятый и русскій, и туземный языки. Въ школу учится пока еще только 11 чловѣкъ, но, со временемъ, можно рассчитывать, что ихъ будетъ гораздо больше. Во всякомъ случаѣ, нельзя не похвалить усѣиха дѣлу обученія туземныхъ мальчиковъ русской грамотѣ.

Каждый прибывающій въ Самаркандъ русскій считаетъ долгомъ побывать еврейскій кварталъ, въ виду той пріятности, которая угадывается между освобожденными евреями и ихъ освободителями, русскими. Вотъ уголокъ Самарканда производитъ на русскаго трогательное впечатлѣніе тѣмъ, что его встрѣчаютъ здѣсь съ живѣйшимъ чувствомъ радости. Обстановка жизни самаркандскихъ евреевъ не настолько грязна, какъ это можно было бы предположить по сравненію съ нашими западными евреями. Здѣсь, напротивъ, евреи живутъ даже чище, сравнительно съ мусульманскимъ населеніемъ.

Я послѣдилъ еврейскаго старшину, который, въ вѣствѣ съ тѣмъ, и главное, духовное лицо, «календарь», что отвѣчаетъ «календарю» въ Европейской Россіи вѣству «раввинъ». Затѣмъ я отправился осмотрѣвать еврейскую синагогу, которая здѣсь именуется «кинса». Въ одномъ дворѣ расположены двѣ синагоги, отличающіяся простотою постройки и чистотою, въ какой онѣ содержатся. Тутъ же и школа для мальчиковъ.

Еврейское населеніе отличается весьма красивымъ типомъ. Еврейки ходятъ въ своемъ кварталѣ съ открытымъ лицомъ; онѣ закрываются волосною сѣткою только въ томъ случаѣ, когда вступаютъ въ мусульманскую часть города.

Особенности костюма здѣшнихъ еврейскихъ женщинъ составляютъ серьги, вдѣтыя не въ уши, а въ носъ. Еврейки еще издавна можно узнать по длиннымъ чернымъ пейсамъ, которые съ висковъ, локонами, спадаютъ до плечъ. Остальные волосы на головѣ они сбриваютъ. Еврейки носятъ тюбетейку и островерхую шапку, но чалма имъ строго воспрещена кораномъ.

Городъ Самаркандъ, какъ и всѣ недавно занятые большіе города Средней Азіи, состоитъ изъ двухъ главныхъ частей, существенно различныхъ: туземнаго города и русскаго. Последний возникъ въ стѣнахъ самаркандской цитадели, откуда начинается, впрочемъ, распространяться, уже не стѣсняясь крѣпостною оградою.

Статистическія свѣдѣнія о Самаркандѣ, какъ туземномъ, такъ и русскомъ, вѣрнѣе всего охарактеризуютъ значеніе того и другаго.

Въ азіатскомъ Самаркандѣ считается 6,000 домовъ; полагая на каждый домъ по пяти чловѣкъ, получимъ все населеніе Самарканда

въ 30,000 душъ. Городъ раздѣляется на кварталы или приходы (пахали), которые называются именами своихъ мечетей. Мечети же именовются или по имени строителя, или по имени святаго, которому посвящены. Мечетей внутри городской черты 76; въ форштадтахъ и садахъ, прилегающихъ къ городской стѣнѣ 61, на кладбищахъ и при школахъ 24; итого 165 мечетей. Медресе или высшихъ училищъ 24; въ нихъ живетъ (въ келіяхъ) 938 учениковъ; во время бухарскаго владычества эта цифра была, по крайней мѣрѣ, втрое больше. Кроме учениковъ, живущихъ при медресе, значительное число ихъ приходитъ туда для слушанія лекцій.

Караванъ-сараевъ въ городѣ 33, изъ числа которыхъ 9 индійскихъ. Караванъ-саранъ суть крытыя зданія для оптоваго склада товаровъ; здѣсь устраиваются и лавки для товаровъ, и комнаты для купцовъ. Количество лавокъ различное: оно мѣняется отъ 5 до 63 лавокъ; во всѣхъ же караванъ-саранхъ — 712 лавокъ. Кроме караванъ-сараевъ, есть еще *тимы*, отличающіеся отъ караванъ-сараевъ, во-первыхъ, тѣмъ, что въ нихъ нѣтъ помѣщеній, а во вторыхъ, вмѣсто лавокъ и комнатъ, вдоль стѣнъ крытаго двора установлены шкапы и прилавки, съ которыхъ и торгуютъ разныя лица. Тимы это нѣчто въ родѣ нашихъ краснорядскихъ лавій въ гостинныхъ дворахъ. Такихъ тимовъ въ Самаркандѣ два, съ 290 шкапами въ обихъ.

Базарныхъ помѣщеній 19; въ нихъ устроены или лавки, или навѣсы, или вѣсы, съ которыхъ производится продажа продуктовъ. Такихъ лавокъ, навѣсовъ и вѣсовъ—442.

Затѣмъ слѣдуютъ лавки, расположенныя рядами. Количество этихъ лавокъ распределяется слѣдующимъ образомъ:

Мелочныхъ, съ продажей разныхъ про-	
дуктовъ	444
Железныхъ	37
Мѣдныхъ	20
Съ глиняною посудою	28
— конской сбруей	29
Мясныхъ	130
Съ деревянною посудой	5
— русскимъ чаемъ	50
Ножевыхъ	10
Съ алебастромъ и известью	5 и 6
— чайной посудой	4
— мужской и женской обувью	13

Озъ дѣтмонями (землепашными инструмен- тами)	8
— чугунными котлами	15
— размотаннымъ шелкомъ	15
— красками	30
— нагайками	2
— тростниковыми (камышевыми) пле- тенками	10
— бязью подкладочною	100
— солью	24
— пуховыми чалмами и кушанками	34
— бязью рубашечною	37
— ситцемъ	29
Итого лавокъ	1,085

Присоединивъ къ этой цифрѣ количество лавокъ въ караванъ-сараяхъ, тимахъ и базарахъ, получится общій итогъ всѣхъ лавокъ въ 2,414.

Количества капиталовъ, обращающихся на самаркандскомъ рынкѣ, нѣтъ никакой возможности опредѣлить, хотя бы и приблизительно.

Заводовъ въ Самаркандѣ имѣется:

Чугунно-литейныхъ	12
Кирпиче-обжигательныхъ	4
Сально-свѣчныхъ и мыловаренныхъ	34
Кожевенныхъ	30
Мельницъ мукомольныхъ	2

Кромѣ мельницъ, гдѣ примененъ водяной двигатель, на всѣхъ заводахъ работа производится ручнымъ способомъ.

Ручнымъ же способомъ производится приготовленіе различныхъ предметовъ въ мастерскихъ и ремесленныхъ заведеніяхъ, число которыхъ простирается до 1,610 и распределяется слѣдующимъ образомъ:

Шелкомотальныхъ (гдѣ работаетъ одинъ, два и не болѣе трехъ человекъ)	15
Бузничныхъ	17
Хлѣбопекаренъ	33
Маслобоенъ для кунжутнаго сѣмени	23
Плотничныхъ	42
Токарныхъ и столярныхъ	11
Приготовительныхъ ткацкихъ станковъ	7
Красильныхъ	42

Издѣлій мужской и женской обуви	162
Съдельныхъ	25
Золотыхъ и серебряныхъ издѣлій	23
Мастерскихъ для приготовления сѣдель верблюжьихъ и ишачьихъ	38
Арбанныхъ	23
Волосяныхъ веревокъ	17
Мастерскихъ красильныхъ по дереву	15
Цырюлень	20
Кончарнаго производства	37
Деревянныхъ гребней	7
Кальяновъ	8
Портняжныхъ	20
Приготовленія шубъ	6
Конфектныхъ	7
Поджариванія гороха	8
Приготовленія чая для розничной про- дажи	30
Продажи плодовъ и пельменей	100
Приготовленія куннара (одурающее ве- щество изъ маковыхъ головокъ)	2
Заведеній, гдѣ готовятъ ничяжки (челноки) для тканія матерій	2
Мастерскихъ для приготовленія адачи (бумажная ткань)	449
Мастерскихъ для приготовленія маты (некрашенная бумажная ткань)	188
Мастерскихъ для приготовленія выбойки (нить)	20
Мастерскихъ для приготовленія камауса	7
Мастерскихъ для приготовленія каламы (полосатая бязь)	17
Мастерскихъ для приготовленія бумаж- ныхъ кушановъ синихъ	16
Мастерскихъ для приготовленія пуховыхъ чалмъ и душкетовъ	82
Дошильныхъ (*)	4

(*) Дошенье производится разбиваніемъ бумажной ткани посредствомъ дере-
вяннаго молота.

Мастерскихъ для приготожденія адрыса (основа бумажная, утокъ шелковый).	27
Мастерскихъ шелковыхъ платьевъ	3
Мастерскихъ мѣдныхъ надѣлій	6
Рубашечная мата фабрикуется женщинами повсюду на домахъ.	

Всѣхъ мастерскихъ и ремесленныхъ заведеній 1,610

Въ русскомъ Самаркандѣ насчитывается, въ настоящее время, 158 домовъ; кромѣ того, здѣсь 9 лавокъ, 7 французскихъ погребовъ, 22 питьевыхъ дома, 2 гостиницы, 18 бань, 1 паровъ и 1 клубъ. Русскихъ заводовъ только два винныхъ.

Русское населеніе въ Самаркандѣ, за исключеніемъ 11 купцовъ и 124 женщины, состоитъ изъ военно-служащихъ, число которыхъ доходитъ до 4,000 человекъ.

Окрестности Самарканда славятся своими садами. Здѣшніе сады, по преимуществу, засажены тутомъ (шелковицею), карагачемъ и фруктовыми деревьями. Талу здѣсь гораздо меньше, чѣмъ въ окрестностяхъ Ташкента. Самаркандскій тополь отличается своею тонкою и тшедушностію; виноградъ же, напротивъ, замѣтателенъ своею растительною силою: онъ нерѣдко достигаетъ здѣсь древовидной формы и встрѣчается въ нѣсколько саженъ высоты. Доброкачественность самаркандскаго винограда также испытана. Вино, которое приготавливаютъ здѣсь два русскіе винодѣла, обращаетъ на себя вниманіе своимъ достоинствомъ и дешевизною.

За день до предполагаемаго отъѣзда изъ Самарканда, я, вмѣстѣ съ другими моими сотоварищами по путешествію, былъ приглашенъ въ гости, на вечеръ, къ самаркандскому казы. По вѣстимъ русскими Самарканда въ 1868 году, болѣе влиятельныя лица, въ томъ числѣ и казы (судьи), бывали въ Бухару, либо въ Хиву. На мѣсто бѣжавшихъ, по приказанію русскихъ властей, были выбраны новыя должностныя лица, причѣмъ число этихъ новыхъ туземныхъ властей было значительно сокращено. Вмѣсто нѣсколькихъ судей (казы), избранъ былъ только одинъ, котораго значеніе, поэтому, должно было сдѣлаться гораздо больше. Обязанный русскимъ своею властью и значеніемъ, новый самаркандскій казы искренно защищаетъ русскіе интересы. Для своего званія, онъ еще молодъ: ему не болѣе 36 лѣтъ, тогда какъ, въ прежнее время, въ эту должность выбирались обыкновенно пожилые люди.

Физіономія самаркандскаго казы имѣетъ довольно подвижное и

даже плутоватое выраженіе. Когда онъ шутить или радуется, то заливается самымъ ребяческимъ смѣхомъ.

Домъ свой казы отстроилъ съ притязаніями на европейскій ладъ. Столы, табуреты, обитые краснымъ сукномъ, и нѣчто въ родъ кресель составляютъ обстановку гостиной, стѣны которой, впрочемъ, испещрены цвѣтами, нарисованными уже совершенно въ сартовскомъ вкусѣ, т. е. безъ всякой перспективы. Потолокъ украшенъ рѣзною работою, полъ устланъ коврами.

Войдя въ комнату, мы нашли столъ уже убранннмъ «достопадомъ», т. е. разными сластями; между ними красовались и русскія вина: хересъ, рижскій бальзамъ и бутылка шампанскаго.

Усѣвшись вокругъ стола, мы начали вести разговоръ съ хозяиномъ.

На вопросъ: «какъ его здоровье?» онъ отвѣчалъ слѣдующею вычурною фразою:

— Сегодня я былъ болѣнъ; но, встрѣтивъ своихъ гостей, я почувствовалъ, что началъ расти, расти, и теперь мнѣ кажется, будто я своею головою достигаю неба.

— Пускай небо изольетъ на твою почтенную голову свои щедроты, пожелаю ему полковникъ Н*, старшій изъ насъ.

Поглаживаніе бороды и глубокій поклоны со стороны казы были отвѣтомъ на наше пожеланіе.

Продолжая быть любезнымъ съ хозяиномъ, г. Н* сказалъ:

— Мы давно уже слышали про высокой умъ самаркандскаго казы; теперь мы удостовѣрились, что слухъ какъ нельзя болѣе справедливъ.

Глава казы заблестала отъ этого комплимента, и онъ, желая оправдать сказанное, началъ говорить съ воодушевленіемъ, но не скороговоркой, а степенно, соблюдая свое достоинство:

«Много есть въ Самаркандѣ умныхъ и толковыхъ людей; многіе изъ нихъ знаютъ шаріатъ отъ доски до доски; но лучше меня никто его не понимаетъ. Одинъ я понимаю слово Божіе и могу разумлять народъ. И я поступаю во всемъ согласно съ буквою закона. Въ коранѣ есть текстъ, въ которомъ правотѣрнымъ предписывается повиноваться своему повелителю, и въ которомъ не определено, какую вѣру повелитель долженъ исповѣдывать. Слѣдовательно, для насъ, мусульманъ, должно—быть все равно, что нашъ теперешній великій государь не мусульманинъ: мы обязаны повиноваться ему по буквѣ закона, и не только изъ страха, но и по совѣсти.

Уча народъ повиноваться государю, я учу его уважать и тотъ народъ, который далъ намъ повелителя.

«Въ этомъ отношеніи я педаю первый примѣръ: я отдаю своего сына въ школу, гдѣ онъ научился русской грамотѣ. Я завелъ въ своемъ домѣ русскіе порядки, чтобы встрѣчать своихъ дорогихъ гостей по ихъ обычаю.

«Враги мои», продолжалъ онъ, «не могутъ простить мнѣ моей молодости и моего значенія—вотъ почему они клеветуютъ на меня, стараясь уронить меня во мнѣніи русскихъ, рассказывая про меня разные небылицы и, во мнѣніи народа, выставивъ меня поборникомъ кафиревъ (неверныхъ)».

— Оставайся, мудрый казы, тверды и непоколебимъ въ своихъ начинаніяхъ», отвѣчалъ ему полковникъ Н°, «и тогда козни враговъ твоихъ разобьются, какъ разбиваются волны о камень, стоящій торделаво среди потока. Ты вѣрно дѣлаешь, что учишь народъ повиноваться государю, для сердца котораго одинаково близки интересы всѣхъ его подданныхъ—будутъ-ли то хрістіане или мусульмане. При бухарскомъ владычествѣ, ты, казы, очень хорошо помнишь, было не то. Правами пользовались одни мусульмане; остальные же народы были безправны.

«Читая слово Божіе», сказалъ казы, «я вполне постигаю преимущество новаго передъ прежнимъ. Народъ не обремененъ налогами, какъ прежде; ему стало легче, и онъ богатѣетъ. Примѣръ можете видѣть на мнѣ. При бухарскомъ владычествѣ, ни одинъ казы не могъ бы разбогатѣть такъ, какъ я. Домъ мой сдѣлался холостъ, какъ чаша; въ русскихъ винахъ у меня никогда недостатка не встрѣтите. Я построилъ нѣсколько лавокъ, въ которыхъ продаются мои товары; построилъ баню, стоившую мнѣ 6,000 рублей, на русскія деньги. А почему? потому, что деньги, получаемыя за мой трудъ и познаніи, я не отдаю, въ видѣ подарковъ, правительственнымъ лицамъ, какъ то дѣлывалось прежде. Наоборотъ: теперь правительственные лица дарятъ и поощряютъ меня въ исполненіи моихъ обязанностей.

«Позапрошлый годъ генералъ-губернаторъ подарилъ мнѣ золотыя часы; въ прошломъ году — халатъ; въ нынѣшнемъ году, когда я отсылалъ въ Курбанъ-Майрамъ пловъ генералу А—ву, онъ подарилъ мнѣ тоже халатъ, а джигиту моему далъ 10 рублей. У русскихъ выходитъ наоборотъ: начальствующія лица награждаютъ своихъ подчиненныхъ, а не подчиненные даютъ подарки старшимъ, какъ было прежде у насъ.—«Ну и народъ», заключилъ словоохотливый казы, «какъ нельзя больше доволенъ мною, потому

что я всегда умѣю сохранять свое достоинство. Я не теряю его даже и въ томъ случаѣ, когда шучу, и когда, въ угоду своимъ гостямъ, приказываю иногда дѣлать то, что, быть можетъ, мнѣ не подобаетъ».

Путь отъ Самарканда до Бухары, цѣ некоторыя свѣдѣнія о городѣ и о представленіи мисіи эмиру, описаны въ статьѣ «Путешествіе русской мисіи въ Бухару, въ 1870 г.», помѣщенной въ «Военномъ Сборникѣ» (*).

ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ БУХАРѢ.

Прогулка по городу.—Письмо бухарскаго мушъ-беги къ агенту мисіи.—Визитъ мисіи бухарскому мушъ-беги.—Бухарскіе больницы.—Бухарскія произведенія.—Старыя монеты въ Бухарѣ.—Книги.—Абиссинцы въ Бухарѣ.—Русскій ѳыгль.—Натянутое положеніе русской мисіи въ Бухарѣ.—Торжество русской политики.—Разговоръ агента съ довѣренными бухарскаго правительства.—Среднеазиатская музыка.—Среднеазиатская пляска.—Значеніе бачей въ средней Азій.—Прочальная аудіенція у эмира.—Представленіе сыну эмира Абдуль-Фатгахъ-хону.—Отъѣздъ изъ Бухары.

На третій день, послѣ нашего пріѣзда въ Бухару, мы, въ сопровожденіи бухарскаго чиновника, отправились осматривать городъ, который, однако, ничего интереснаго не представилъ, исключая нестрой толпы народа, слѣдовавшей за нами, подобно волнамъ потока, съ шумомъ и гамомъ. Одни привѣтствовали насъ обычнымъ словомъ: «аманъ», другіе русскимъ: «здравствуйте», наконецъ третьи приговаривали: «хонъ якши тамыръ» (очень хорошій пріятель). Рои мальчишекъ кричали безъ умолку: они или выкрикивали «ура», или истощали весь запасъ русскихъ словъ, которыми знали. А этотъ запасъ относился почти исключительно къ командамъ: «становись», «глаза направо», «на плечо», на «кра-уль» и проч. и проч. Насъ немало изумило такое изобиліе и твердое знаніе русскихъ командныхъ словъ, почему мы обратились къ одному изъ мальчишекъ съ вопросомъ: откуда они научились всему тому, что говорили.

— Насъ научилъ Османъ, который былъ у насъ важнымъ бекомъ (губернаторомъ), отвѣчалъ мальчишъ.

Надо замѣтить, что Османъ, простой сибирскій казакъ, бѣжавшій въ Бухару, пріобрѣлъ тамъ важное значеніе: онъ обучалъ бухарцевъ военному дѣлу и командовалъ ими подъ Самаркандомъ и Зирабудагомъ; но въ концѣ 1868 года сложилъ свою буйную голову отъ руки палача, за то, что не хотѣлъ идти съ войскомъ эмира противъ его старшаго сына, стремившагося низложить отца.

(*). См. «Воен. Сборн.» 1870 г. № 10.

Бухарскія власти хотя и дали намъ разрѣшеніе свободно ѣздить по городу, но одобряли это только изъ приличія, а потому, видя разныя предметы, рѣшили впредь затруднить наши экскурсіи по городу. На другой день послѣ нашей прогулки, кушъ-бегъ написалъ длинное письмо агенту мисіи, въ которомъ выразилъ слѣдующее:

«Люди наши (министръ разувѣлъ здѣсь членовъ мисіи) вчера сдѣлали *тажашу* (зрѣлище) по благородной Бухарѣ, собирая огромныя толпы народа. Я долженъ предупредить васъ, что между бухарцами есть много необузданныхъ и развратниковъ (*), которые могутъ причинить посольству что-либо непріятное. Во избежаніе чего, если ваши люди пожелаютъ впредь осматривать городъ, пускай предупредятъ мисію, и я тогда конюю съ ними пять или шесть важныхъ основниковъ, которые ограждать ихъ отъ непріятностей».

Далѣе, въ письмѣ, кушъ-бегъ отклонялъ мисію отъ визита сыну эмира Абдуль-Фаттахъ-хану (бывшему въ 1868 — 1869 году въ Петербургѣ, и изъ котораго были привезены отъ туркестанскаго генералъ-губернатора письмо и подарки), на томъ основаніи, что этимъ возбуждятся зависть въ другихъ дѣтахъ эмира, и между нами возникнетъ ссора. Министръ совѣтовалъ письмо и подарки вручить сыну эмира наканунѣ нашего отъѣзда изъ Бухары. Затѣмъ достопочтенный кушъ-бегъ предлагалъ агенту и членамъ мисіи, для покупки бухарскихъ произведеній, присылать купцовъ съ товарами къ намъ на домъ, съ тѣмъ, чтобы мы все, что намъ понравится, откладывали въ сторону и присылали бы къ нему для оцѣнки. Этотъ путь кушъ-бегъ хотѣлъ избавить насъ отъ переплаты купцамъ.

Наконецъ государственный канцлеръ назначилъ 30-е мая днемъ приѣма мисіи у себя.

Въ отвѣтъ на это письмо, агентъ написалъ кушъ-бегу, что члены мисіи не его люди, а слуги Блага Царя, и затѣмъ на все оставшія предложенія министра изъявилъ свое согласіе.

Въ назначенный для приѣма у кушъ-бегу день, въ первомъ часу пополудни, все члены мисіи, нарядившись въ кителя съ орденами, отправлялись къ министру.

Государственный канцлеръ жилъ въ это время за-городомъ, на дачѣ. Дача первого министра, какъ и все въ Азій, не только великолѣпнѣе, но даже просто удобствами не поражаетъ. Вокругъ дворика, по азіатскому обыкновенію, расположены небольшія комнаты съ сѣрыми глиняными, необходимыми ни снаружи, ни внутри стѣнами. Единственныя украшенія комнатъ — ковры на полу.

(*). Здѣсь кушъ-бегъ выразился до-нельзя непріятно.

Мы были приняты на маленькой галерей, гдѣ для насъ приготовили сидѣнья изъ тонорно-сколоченныхъ табуретовъ, покрытыхъ войлокомъ. Истомленные жаромъ, мы, въ ожиданіи выхода кушъ-беги, усѣлись. Черезъ нѣсколько минутъ къ намъ подошелъ секретарь (мираа) кушъ-беги и объявилъ, что министръ сейчасъ выйдетъ, и что, при его приходѣ, надо будетъ встать. Агентъ замѣтилъ секретарю, что русскіе приличія знаютъ, и относительно того, какъ вести себя, могутъ научить бухарцевъ. Кушъ-беги, дѣйствительно, появився тотчасъ, ведомый подъ руки своими приближенными.

Подойдя къ намъ, онъ недовольно подалъ каждому свою лѣвую руку, которая сильно дрожала, и вслѣдъ затѣмъ пригласилъ сѣсть.

Лицо кушъ-беги носитъ отпечатокъ узбекскаго типа: оно нѣсколько плоско и съ довольно-широкими скулами; глаза маленькіе и носо-расположенные; носъ широкій, рѣзчатый; губы тонкія; цвѣтъ кожи оливковый. Одежду кушъ-беги составляли парчевый халатъ, желтая, съ шалевымъ рисункомъ, чалма и сапоги вышитые золотомъ сапоги на зеленой суровой подошвѣ, приходящей у остроконечнаго носка вверху.

Кушъ-беги на видъ около шестидесяти лѣтъ, хотя онъ гораздо моложе. Голосъ чрезвычайно тонкій и какъ будто рабскій. Впрочемъ, вся его фигура казалась расклевенною.

Первый вопросъ кушъ-беги былъ о здоровьѣ Бѣлаго Царя, затѣмъ его сыновей, министровъ и туркестанскаго генералъ-губернатора.

Послѣ рѣчи агента о дѣлѣ прихода нисим, кушъ-беги обратился къ нему съ слѣдующими словами:

«Такъ какъ Бухарское Ханство немаленькое, то я обремененъ важными государственными дѣлами, къ отправленію которыхъ и теперь долженъ обратиться; поэтому прошу васъ отдохнуть, выпить чаю, позавтракать. Немного погодя, окончивъ свои занятія, я приду и поговорю съ вами о государственныхъ дѣлахъ».

Сказавъ эти слова, кушъ-беги удалился; но, нѣсколько минутъ спустя, къ агенту подошелъ приближенный бухарскаго времени и спросилъ, когда онъ желаетъ говорить о государственныхъ дѣлахъ: «послѣ чаю, послѣ фруктовъ или послѣ пилава?» Агентъ отвѣчалъ, что о важныхъ дѣлахъ удобнѣе всего вести рѣчь уже послѣ пилава.

Для чая и угощенія было приготовлено мѣсто въ саду. Садъ кушъ-беги тѣмнотостью не отличается: онъ состоитъ на половину изъ виноградныхъ и на половину изъ гранатовыхъ кустовъ. Въ саду также была поставлена для насъ импровизированная мебель, въ чи-

слѣ которой находилась желѣзная кровать, подаренная въ Ташкентѣ сыну эмира Абдуль-Фаттахъ-хану, когда онъ ѣздилъ въ Россію. Желтый чай (довольно хорошаго качества) подавали въ трехъ большихъ зеленыхъ ставанахъ и въ нѣсколькихъ чашечкахъ. Затѣмъ подали достарханъ и, въ заключеніе, необходимый «палау» (пилавъ). Посуда и сервировка были русскія; но, по своей разнокалиберности, напоминали хозяйство небогатаго содержателя постоялаго двора въ Россіи. Для «палау» поданы были желтыя деревянные ложки, употребляемыя у насъ простонародьемъ.

Насытившись какъ могли, мы перешли на галерею, давая знать гостеприимному хозяину, что палау съѣденъ, и что время для разговоровъ о важныхъ дѣлахъ наступило.

Вскорѣ во дворъ привели бѣлую лошадь съ раззолоченнымъ чапракомъ и принесли на подносѣ парчевой халатъ и девять штукъ шелковой матеріи. Это были подарки агенту и намъ. Вслѣдъ за поднесеніемъ подарковъ, вышелъ и самъ кушъ-беги. Поблагодаривъ за пріемъ, агентъ испросилъ позволенія у министра отложить рѣчь о дѣлахъ, такъ какъ, въ этотъ разъ, мы были у него въ гостяхъ, и при томъ все самое важное и главное—выраженіе дружбы туркестанскаго генералъ-губернатора—высказано и эмиру, и ему; оставались только мелкіе вопросы, касающіеся отдѣльныхъ частныхъ лицъ, по жалобамъ ихъ на бухарскихъ купцовъ. Бушъ-беги охотно согласился.

На вопросъ кушъ-беги: всѣмъ-ли мы довольны въ Бухарѣ? агентъ отвѣчалъ, что всѣмъ, за исключеніемъ одного: намъ не даютъ возможности свободно разѣзжать по городу и ничего не показывать.

«Когда посланникъ вашъ, *тюря-джамъ*, былъ въ Ташкентѣ и въ Петербургѣ», сказалъ агентъ мисси, «ему каждый день давали возможность видѣть что-нибудь новое. Ему показывали войска, парады, маневры и проч. Если и бухарцы, въ свою очередь, дадутъ намъ возможность свободно разѣзжать по городу, покажутъ свои лучшія зданія и постройки и, наконецъ, войска, то я останусь вполне доволенъ и, по пріѣздѣ въ Ташкентъ, доложу генералъ-губернатору, что бухарцы встрѣтили насъ настоящими друзьями и выказали по истинѣ дружеское расположеніе».

Лицо кушъ-беги выразило безпокойство; онъ отвѣчалъ, что это вопросъ такой важности, что рѣшить его самъ не имѣетъ права, а представить благоусмотрѣнію эмира, и тогда не преминетъ сообщить намъ волю своего повелителя. Вслѣдъ затѣмъ, подозревавъ

своего секретаря, онъ велѣлъ ему записать весь разговоръ съ агентомъ. Секретарь вынулъ изъ-за пазухи *калмак-дак* (продолговатая коробочка для храненія туши и калыма т. е. пера), присѣлъ на корточки и началъ быстро писать.

Все написанное было прочтано черезъ переводчика, чтобы агентъ могъ убѣдиться, что все сказанное имъ будетъ передано эмиру вѣрно и точно.

— Итъ-ли еще чего добавить? спросилъ кушъ-беги, по окончаніи чтенія.

— Самое главное, достопочтенный кушъ-бегі, прошу васъ передать поклонъ эмиру и засвидѣтельствовать ему мое почтеніе, отвѣчалъ агентъ.

«Хопъ якинъ» и взятіе за бороду были отвѣтомъ на это заявленіе.

Волды за тѣмъ, мы распростились съ кушъ-беги и уѣхали во свои.

Послѣ представленія кушъ-беги, агентъ мисіи ожидалъ отвѣта относительно назначенія времени для переговоровъ о заявленныхъ вопросахъ. Спустя нѣскольکو дней, агентъ, зная медлительность азіатцевъ, написалъ кушъ-беги письмо, въ которомъ изложилъ всѣ вопросы по жалобамъ купцовъ, нашихъ подданныхъ, и просилъ ихъ разсмотрѣнія. Но и на письмо кушъ-беги не торопился отвѣчать.

Очевидно было, что бухарцы что-то соображали, и хотя относились почтительно и содержали насъ щедро, но не доверяли.

Для выкаиванія въ наши нужды, къ намъ былъ приставленъ особый чиновникъ, по имени Арсланъ-ходжа, толстый, неуклюжій, съ глупою физиономією. На обязанности этого чиновника лежало также подсматриваніе что мы дѣлаемъ, и немедленное сообщеніе о томъ высшимъ властямъ.

Мы жили какъ воспитанники въ закрытомъ учебномъ заведеніи. Насъ кормили, поили, стерегли ночью и неусыпно наблюдали днемъ. Сообщеніе наше съ вѣшнимъ міромъ происходило при помощи нашихъ джигитовъ и переводчиковъ-мусульманъ, которые могли свободно, во всякое время, бывать повсюду.

Но если членамъ мисіи не приходилось проникать легко черезъ свою ограду, чтобы видѣть бухарцевъ, то, наоборотъ, бухарцы постоянно приходили къ намъ для разныхъ цѣлей.

Утромъ, съ восьми часовъ, большой дворъ посольства наполнился большими всѣхъ сортовъ, иславшими помощи у нашего доктора. Допускались только мужчины и дѣти; женщины же были стоняемы бухарскимъ привратникомъ. Число больныхъ простиралось

до 200 душъ ежедневно: одни искали исцѣленія, другіе — укрѣпленія. Относительно послѣдняго, необходимо замѣтить, что ничѣмъ нельзя такъ угодить бухарцу, какъ давни ему укрѣпляющаго.

Между различными, рѣзко выдѣлявшимися типами таджиковъ, узбековъ, евреевъ, индусовъ и проч., попадались извѣдка и русскія фizioноміи:

Въ числѣ больныхъ явился однажды часовщикъ (*), который выдавалъ себя за астронома и астролога. На вопросъ, въ чемъ состоятъ его астрономическія познанія, онъ отвѣчалъ, что можетъ предсказывать затмѣніе солнца и луны. Въ подтвержденіе своей способности, онъ произнесъ пророческимъ голосомъ:

— Я говорю, что черезъ пять дней будетъ лунное затмѣніе

— Откуда же это ты узналъ, кто сказалъ тебѣ?

— У меня есть книга, по которой я и угадываю.

Мы сообразили, что такая книга была, по всей вѣроятности, русскій календарь, и потому немедленно справились съ календаремъ; оказалось, что лунное затмѣніе должно было случиться не черезъ пять дней, а гораздо позже. Когда это было разъяснено нашему астроному, онъ, не сконфузясь, отвѣчалъ, что его календарь англійскій, переведенный на персидскій, и что русскій календарь, также какъ и турецкій, не сходится съ англійскимъ и отстаютъ на нѣсколько дней.

Кромѣ больныхъ, насъ посѣщали кунцы, также всевозможныхъ оттѣнковъ и національностей. Они приносили намъ для продажи произведенія благородной Бухары. Предметы, которые мы желали купить, согласно предложенію купь-бегі, отсылались къ нему для оцѣнки. Государственный министръ обозначалъ стоимость предмета, какъ бы малъ или ничтоженъ онъ ни былъ, на особомъ ярлыкѣ и присылалъ къ намъ, послѣ чего уже отъ насъ зависѣло взять предметъ, или нѣтъ.

Справедливость требуетъ сказать, что тѣ произведенія благородной Бухары, которыя приносили къ намъ, не заслуживали вниманія по своимъ качествамъ.

Барюза, на которую члены мисіи напустились—было съ ожесточеніемъ, оказывалась зеленою и бѣловатою. Туркменскіе ковры, славящіеся во всей Средней Азій, были тоже худшаго разбора. Вѣлаго кашауса, пріобрѣтенія котораго было такъ желательно почти всѣмъ членамъ мисіи, совершенно не оказывалось въ продажѣ, и намъ

(*) Въ Бухарѣ четыре часовщика, которые если не сумѣютъ сдѣлать часовъ, то, по крайней мѣрѣ, могутъ починить ихъ.

предложили сдѣлать нарочный заказъ. Мало-мальски порядочными найдены были только каракульскія мерлушки и полосатый манаусъ.

И то, и другое — образцовое произведеніе бухарскаго промышленнаго искусства.

Гораздо болѣе интереса представляли старыя монеты, которыя также приносились къ намъ для продажи: онѣ относились къ различнымъ эпохамъ и служили представителями самыхъ разнообразныхъ цивилизацій.

Самыя древнія изъ принесенныхъ монетъ были греческія (бактрійскія). Всѣ монеты этого типа серебряныя, величиною около русскаго полтинника; онѣ относятся къ эпохѣ распадёнія монархіи Александра Македонскаго и образованія бактрійскаго царства. На лицевой сторонѣ монеты представлена профиль царя, а на оборотной изображена фигура Геракла, сидящаго на жертвенникѣ, покрытомъ шкурою некоего льва и держащаго въ правой рукѣ палицу — орудіе истребленія льва. Большинство монетъ этого типа отличается необыкновенною тщательностью отдѣлки и художественнымъ изображеніемъ фигуръ. На одной изъ монетъ, вокругъ фигуры Геракла, весьма явственно и великолѣпно отчеканено: ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΕΥΘΥΔΗΜ — «василеосъ (*) Ефидемъ». Ефидемъ былъ третій бактрійскій царь.

Ко второй категоріи относились монеты куфическія (время первыхъ халифовъ); эти монеты были золотыя, серебряныя и мѣдныя, различныхъ размѣровъ.

Въ третьей категоріи принадлежали монеты христіанскія. Всѣ онѣ золотыя, величиною съ двугривенный. На одной изъ нихъ весьма явственно сохранилась надпись: LVDOV. MANIN. DVX и на оборотной сторонѣ: RECIS. ISTE DVCA SIT. T. MPERATORV. На другой — на лицевой сторонѣ, выбито: DUTHEODOSIVS, PFAVC, а на оборотной: BONO VOTXX MVLTXXXS.

Въ четвертой категоріи относились монеты мусульманскія. Большая часть ихъ мѣдныя. Количество монетъ этого рода было громадное.

Кромѣ монетъ, намъ приносили и другія вещи, которыя считались бухарцами почему-либо драгоценными, или курьезными, и которыя они надѣялись сбыть намъ. Такъ, намъ приносили: сабельные клинки изъ дамасской стали; малые серебряные компаски, въ формѣ груши; русскія серебряныя рубки, съ изображеніемъ членовъ царской фамиліи; аутечный ящикъ графа Фердинанда Меаца, конфискованный у него въ 1863 году, и съ которымъ бухарцы не знали что дѣлать;

(*) Василеосъ, по гречески, значитъ: царь, монархъ.

секстантъ, оставшійся отъ Конноли; лекарство, оставшееся послѣ *кемерала* (*) Стоддарта, и проч. и проч.

Наконецъ, въ качествѣ курьеза, намъ приносили и книги. Кромѣ известнаго сочиненія *Фирдуси* и «Исторіи Бухары» *Наршахи*, книги не заслуживали никакого вниманія. По большей части это были поэмы въ родѣ «Бруслана Лазаревича», съ такими же рисунками и виньетками. Въ числѣ мусульманскихъ книгъ принесена была однажды русская псалтырь. Кромѣ того, секретарь бухарскаго посольства, бывшаго въ 1869 году въ Петербургѣ, показывалъ библию, переведенную съ ангайскаго на персидскій языкъ. Секретарь немало хвалилъ достоинство библии, что удивило насъ, привыкшихъ видѣть въ мусульманахъ фанатиковъ, нетерпимо относящихся къ всему имъ чуждому.

О вѣротерпимости бухарцевъ мы могли заключить и по другому обстоятельству. Разъ къ намъ привели, тоже какъ диковинку, абиссинца. Но распросамъ оказалось, что абиссинцевъ въ Бухарѣ находится человекъ восемь; всѣ они изъ Абиссиніи попали сначала въ Персію, гдѣ были захвачены туркменами и проданы въ неволю въ Бухару. Наши казаки были удивлены, узнавъ, что, приведенный на показъ *черный арабъ* исповѣдуетъ Иисуса Христа и св. Евангеліе; мы же, въ свою очередь, были удивлены тѣмъ, какимъ образомъ бухарцы дозволяли абиссинцамъ оставаться при своей религіи и не принуждали ихъ принять магометанство.

Русскіе люди, попадающіе въ Бухару, какъ бѣглецы или какъ пѣнные, наоборотъ, всегда принуждаются къ принятію мусульманства. Бухарское правительство, въ этомъ случаѣ, смотритъ на религію какъ на залогъ, скрѣпляющій узы новаго подданнаго съ Бухарою, что, относительно русскихъ, весьма важно, такъ какъ, принадлежа къ высшей интеллигенціи, они постоянно подозрѣваются бухарцами въ тяготѣніи къ своей родинѣ и въ шпіонствѣ.

Одинъ изъ такихъ бѣглыхъ явился къ намъ, съ цѣлью выпросить ходатайство о возвращеніи въ Россію.

Въ Бухарѣ онъ зовется султаномъ Газы-Касымовымъ, а въ Россіи именовался Де-Фульштейномъ Гербатомъ. Родился онъ въ Вильнѣ и воспитывался въ тамошнемъ благородномъ институтѣ; ѣздилъ за границу, для усовершенствованія своего образованія изученіемъ медицины; но, на возвратномъ пути въ Россію, попалъ въ какую-то исторію, слѣдствіемъ которой была ссылка его въ Сибирь.

(*) Такъ называютъ въ Бухарѣ ангайскаго агента, казеннаго публично, вѣсть съ Конноли, въ 1842 году, по приказанію эмира Назръ-Уллы.

Изъ Петропавловска онъ бѣжалъ сперва въ киргизскія степи, гдѣ промышлялъ въ качествѣ атамана шайки разбойниковъ, а потомъ бѣжалъ въ Боканъ, а отсюда въ Бухару.

Когда членами мисіи было объявлено ему, что позволеніе возвратиться въ Россію можетъ послѣдовать лишь вслѣдъ за признаніемъ сдѣланнаго преступленія Гербатъ началъ придумывать различныя причины, вліявшія на его ссылку и побѣгъ. Ему, конечно, не вѣрили, вслѣдствіе чего, Гербатъ сталъ гадать на фидкивыхъ косточкахъ.

— Я гадаю, сказалъ онъ, желая узнать, примуть-ли меня въ Россіи и признаваться-ли мнѣ во всемъ?

— Ну, что? спросили мы, когда онъ окончилъ гаданье.

— Выходить хорошо, былъ отвѣтъ.

И, вслѣдъ затѣмъ, опять придумалъ не менѣ несообразную причину. Онъ сказалъ, что будто бы былъ заподозрѣнъ въ сношеніяхъ съ революціонерами 1848 года, вслѣдствіе найденной у него книги съ египетскими гіероглифами, которые и были поводомъ его ссылки въ Сибирь.

— Какъ и чѣмъ вы живете въ Бухарѣ? спросили его.

— Прежде я состоялъ на службѣ у эмира, обучалъ его войска, перевелъ на персидскій языкъ русскіе уставы, предлагалъ бухарцамъ устроить госпиталь для войскъ; но, увидѣвъ, что узкій деспотизмъ эмира не позволяетъ ему выходить изъ предѣловъ своихъ личныхъ расчетовъ и удовольствій, я бросилъ коронную службу и сталъ частнымъ человѣкомъ. Теперь я пользуюсь славой перваго бухарскаго доктора.

И дѣйствительно, Гербатъ знаетъ десятка два названій лекарствъ и нѣсколько болѣзней. Лекарства для бухарцевъ онъ выпиываетъ изъ Москвы.

— Если бы вы знали, какъ тяжело европейски-образованному человѣку жить среди этихъ дикихъ варваровъ, погрязшихъ въ тинѣ деспотизма и невѣжества, жаловался Гербатъ и тутъ же сообщалъ, что знаетъ французскій, нѣмецкій и польскій языки и играетъ на фортепяно; что, во время оно, проходилъ разныя мудренныя науки, въ числѣ которыхъ была и алхімія.

Долговременное пребываніе въ Бухарѣ и неумѣренное употребленіе опиума имѣло разрушительное вліяніе и на его организмъ, и на умственныя способности, такъ что даже у бухарцевъ онъ слыветъ за юрехиваго.

Въ ожиданіи отвѣта на письмо къ кушъ-беги, прошло нѣсколько дней. Положеніе русской мисіи становилось тягостнымъ. Посылаемые

въ городѣ наши лазутчики приносили неутѣшительныя вѣстїя. Дѣло въ томъ, что русская миссія, по прїѣздѣ въ Бухару, застала афганское посольство, отъ Ширъ-Али-хана. Интересы афганцевъ были диаметрально противоположны интересамъ русскимъ. Афганцы, поддерживаемые англичанами, требовали у эмира позволенія построить крѣпость на Аму-Дарьѣ съ тѣмъ, чтобы дѣйствовать сообща противъ Россїи. Въ доказательство своей силы они увѣряли, что 12-тысячное войско Ширъ-Али-хана стоитъ уже на Аму-Дарьѣ. Въ случаѣ отказа эмира, они грозили ему войною. Кроме того, кабульское посольство гнѣвалось на эмира за великолѣпный прїемъ, сдѣланный имъ русскому посольству; оно даже хотѣло удалиться изъ Бухары, но осталось по настояніямъ эмира.

Поставленный между двухъ огней, эмиръ Музафаръ долгое время колебался относительно того, чьей стороны держаться. Одно время онъ уже склонился на сторону афганцевъ, такъ что въ городѣ стали ходить слухи о союзѣ, заключенномъ Бухарою съ Ширъ-Али-ханомъ, и о войнѣ съ русскими; но наконецъ русская политика торжествовала: эмиръ совершенно склонился на сторону русскихъ. На жалобы и представленія афганцевъ онъ пересталъ обращать вниманіе, и, напротивъ, усиленно сталъ заискивать сближенія съ нами.

7-го іюня, эмиръ прислалъ къ агенту своего довѣреннаго, по имени Миръ-Ахмета, бывшего секретаремъ въ бухарскомъ посольствѣ съ Абдулъ-Фаттахъ-ханомъ, и отличающагося между бухарцами смышленостію, выходящею изъ ряда обыкновенныхъ.

Миръ-Ахметъ пришелъ съ отвѣтомъ на письмо агента къ кушъ-беги, которое было доложено эмиру. Эмиръ, по всѣмъ пунктамъ, сдѣлалъ уступки справедливымъ требованіямъ русскаго правительства. Что же касается до желанія членовъ миссии ѣздить по Бухарѣ, то Миръ-Ахметъ просилъ, чтобы мы, если можно, не требовали этого, потому что, въ силу коренныхъ законовъ въ священной Бухарѣ, иностранцы не имѣютъ права развѣзжать верхомъ по улицамъ. «Ходить же пѣшкомъ», прибавилъ секретарь, «вамъ самимъ будетъ непрїятно».

Относительно того, чтобы показать войска и казармы, довѣренный эмира сообщилъ, отъ имени своего владыки, что эта часть у нихъ такъ несовершенна, что и показывать ее совѣстно; что если русскіе желаютъ дружбы и мира Бухарѣ, то пусть пришлютъ своихъ литейщиковъ, ружейниковъ, солдатъ и офицеровъ для обученія бухарцевъ. Тогда военныя средства Бухары поправятся на столько, что армію бухарскую можно будетъ показывать иностранцамъ.

Агентъ, не обнадеживая бухарца, сообщая ему, что эмиръ можетъ все это изложить въ письмѣ къ туркестанскому генералъ-губернатору, и что онъ письмо отвѣтитъ въ Ташкентъ. Вслѣдъ за тѣмъ агентъ раздѣлилъ бухарскому новѣренному, что дружба туркестанскаго генералъ-губернатора къ Бухарѣ надежнѣе дружбы всѣхъ сосѣднихъ мусульманскихъ державъ, и что рассчитывать на афганцевъ эмиру будетъ слишкомъ рискованно.

Повѣренный эмира, довольный исходомъ переговоровъ, поспѣшилъ къ себѣ, чтобы написать *арса* (докладъ) своему повелителю.

На другой день, эмиръ, желая угодить женой, рѣшился вмѣсто войскъ, щегольнуть передъ нами своею кападою. Онъ велѣлъ снарядить своихъ лучшихъ музыкантовъ, которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, и пѣвцы, и прислалъ къ намъ.

Часовъ въ восемь вечера, музыканты, въ числѣ семи человекъ, въ сопровожденіи Миръ-Ахмета, явились въ посольскій садъ. Они принесли съ собою груду инструментовъ, которые, какъ кажется, составляли полный среднеазиатскій оркестръ, за исключеніемъ громадныхъ трубъ, особаго рода барабановъ и нѣкоторыхъ другихъ. Инструменты придворныхъ музыкантовъ были слѣдующіе: 1) *дутага* (что значить двѣ струны), въ родѣ двухъструнной балалайки; 2) *тамбуръ* — балалайка, съ тремя длинными металлическими струнами; 3) *кобызъ*, своего рода виолончель съ двумя волосяными струнами; 4) *зизакъ*, тоже въ родѣ виолончели, только съ тремя металлическими струнами; 5) флейта; 6) *кокчей* — два кларнета, на которыхъ музыкантъ играетъ разомъ; 7) рожокъ и 8) неизмѣнные *чильмандары*, родъ бубенъ.

Музыкантами дирижировалъ придворный шутъ, плясунъ и капель-мейстеръ. Среднеазиатская музыка находится въ томъ періодѣ, когда звуки инструмента не отдѣляются отъ напѣва. Играющій вмѣстѣ съ тѣмъ и поетъ. Часто къ напѣву присоединяется и пляска, но плясать лицо постороннее.

Среднеазиатская музыка въ высшей степени уныла, монотонна и однообразна, какъ природа, на лонѣ которой она возникла и развилась. Однако и въ ней встрѣчаются мотивы, хотя дикіе, но, тѣмъ не менѣе, не лишеныя прелести по своей оригинальности. Музыкальные мотивы Средней Азии, по всей вѣроятности, послужатъ матеріаломъ для европейскихъ виртуозовъ при композиціи оперъ и балетовъ изъ восточной жизни. Особеннаго вниманія заслуживаютъ среднеазиатскіе марши. Нѣтъ сомнѣнія, что музыка въ Бухару и вообще въ Туранъ перешла изъ Персіи; но, независимо отъ персидскихъ мотивовъ, въ

Средней Азии существуют, и свои мотивы, выработанные чисто-туркскимъ племенемъ.

Если о среднеазиатской музыкѣ можно сказать, что она нелишена интереса и ожидаетъ научной разработки, то нельзя сказать того же относительно среднеазиатскаго пѣнія. Безобразіе туранской пѣсни ничего себѣ представить нельзя: ни одной правильной ноты, ни одного сколько-нибудь пріятнаго звука. Субъектъ, улаждающій публику пѣніемъ (я не хочу сказать пѣвецъ), не поетъ, а выкрикиваетъ звуки, и чѣмъ напряженнѣе, чѣмъ диче эти звуки, тѣмъ больше удовольствія и публикѣ, и крикну. Пующій поднимаетъ голову вверхъ и закатываетъ глаза; жилы его наливаются кровью, и онъ то завываетъ волкомъ, то инукаетъ кошкою, то реветъ верблюдомъ. Одинъ изъ нашихъ музыкантовъ, оравшій самымъ безпощаднымъ образомъ, возбуждалъ наибольшій восторгъ въ своихъ азиатскихъ слушателяхъ.

— Каково поетъ? голосъ—то каковъ?, постоянно повторялъ Миръ-Ахметъ, бывшій недавно въ Петербургѣ, слышавшій итальянскую оперу и даже описавшій ее персидскими стихами.

Слова пѣсенъ среднеазиатскихъ, по большей части, безсодержательны. Туранцы могутъ пѣть цѣлый день и не дать себѣ отчета въ томъ, что поютъ: что взбредетъ на умъ въ данный моментъ, то и поютъ.

Когда пѣніе и музыка достаточно утомили всѣхъ, придворный шутъ взялся развеселить и позабавить насъ. Онъ началъ кривляться, поводя послѣдовательно различными мускулами своего тѣла, начиная отъ кожи на головѣ. Затѣмъ началъ плясать, прищелкивая пальцами и производя неприличныя движенія корпусомъ. Азиатская публика была въ неописанномъ восторгѣ.

Шутъ человекъ уже старый; въ Бухарѣ онъ играетъ роль совершенно такую же, какую играли шуты у насъ въ Россіи, еще въ прошломъ вѣкѣ, и въ западной Европѣ въ XVII столѣтіи. Старикъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и острякъ, и неприличіе его движеній и выходокъ, конечно, не можетъ быть поставлено ему въ вину.

Послѣ пляски, шутъ, подъ звуки музыки, началъ давать свои забавныя представленія, основанныя на еще болѣе безобразныхъ и неприличныхъ сюжетахъ. Сперва былъ на сценѣ *козелъ*, потомъ *лошадь* и ватѣмъ *сарабей*.

Комизмъ состоялъ въ томъ, что шутъ издѣвался надъ личностію изображаемаго имъ животнаго, вымазывая ему грязью физиономію, отпуская полновѣсные удары плетью и пр. Чѣмъ звончѣе сыпались удары, тѣмъ удовольствіе азиатской публики было больше; оно до-

стигало высшей степени, когда выходил шута дѣлались циническими, и притомъ въ чисто-азіятскомъ вкусѣ.

— Вотъ она старая Русь! думалъ я, вспоминая время препровожденія и забавы нашихъ предковъ.

Когда шутъ кончилъ свою послѣднюю мистерію, онъ внезапно провозгласилъ многолѣтіе эмиру, чѣмъ и закончился спектакль.

Само собою разумѣется, что агентъ мисіи не поспешился на похвалы музыкантамъ и, благодаря эмира за удовольствіе, велѣлъ передать ему, что такую музыку могъ угостить только владѣтель такой благословенной страны, какъ Бухара.

Похвалы польстили самолюбію эмира, и онъ, желая окончательно расположить къ себѣ русскую мисію и очаровать ее бухарскими диковинками, приказалъ, на слѣдующій день, показать намъ придворный балетъ. Вечеромъ, вмѣстѣ съ музыкантами, присланы были и плясуны.

Въ Средней Азій пляшутъ только мальчики, именуемые *бачами*. Бачи для пляски наряжаются въ женскій костюмъ, со множествомъ мелкихъ бубенчиковъ на рукахъ и ногахъ, и съ косами изъ лошадиныхъ волосъ. Въ пляскѣ бачей замѣчательна грація ихъ движеній и проворство пируетовъ, которые они дѣлаютъ съ изумительною быстротою. Все искусство бачей вертится почти исключительно на возбужденіи чувственности въ зрителяхъ, и надо отдать имъ полную справедливость: они достигаютъ своей цѣли съ успѣхомъ. Прищуриваніе и закатываніе глазъ, томное движеніе мускуловъ лица, сладострастное размахиваніе рукъ и судорожное подергиваніе всѣмъ корпусомъ, все это производитъ на азіятскую публику потрясающее дѣйствіе и поражаетъ ее словно электрическимъ токомъ. Она то мѣлетъ и замираетъ, то реветъ отъ восторга. Посидѣть возлѣ бачи, пожать ему руку, дать отпить чаю изъ своей чашки—считается высшимъ блаженствомъ для азіятца.

Нельзя безъ грусти смотрѣть на подобное извращеніе нравовъ. Женщина, изгнанная кораномъ изъ среды общества и упрятанная въ самую непроглядную глубь харема, замѣнена мальчиками, исполняющими роль женщинъ.

Красота женская здѣсь никогда не вліяла благотворно на мужчину; она никогда не возбуждала въ немъ благородныхъ чувствъ и не вдохновляла ни на какіе геройскіе подвиги. Вліяніе женской красоты здѣсь замѣнено извращеннымъ вліяніемъ красоты мужской; чувство любви къ женщинѣ протѣкнуло на противоположную чувственную любовь къ мальчику, и эта любовь вошла даже въ поэзію, бу-

лучи воспрѣваема не только въ народныхъ пѣсняхъ, но даже въ стихахъ знаменитѣйшихъ и образованнѣйшихъ восточныхъ поэтовъ, Саади и Гафива. Житель Востока, безнадежно влюбленный въ бачу, разгоняетъ свою тоску тѣмъ, что приглашаетъ къ себѣ пѣвцовъ, которые поютъ ему про любовь какого-нибудь хана или эмира, находившагося въ такомъ же точно положеніи. Въ пѣснѣ воспѣвается, какъ такой-то ханъ, будучи страстно влюбленъ въ бачу, судилъ ему полъ-царства за одну улыбку, и какъ бача долго оставался глухъ къ голосу своего владыки. Слушатель, въ это время, проливаетъ горячія слезы; но по мѣрѣ того, какъ въ пѣснѣ бача смягчается и сердечныя дѣла хана поправляются, слушатель, воображая себя на мѣстѣ сказочнаго героя, ободряется, питаясь надеждою, что и его любовь будетъ услышана. Заключение браковъ à la Перонъ и Гелиогабалъ сдѣлались въ Азіи дѣломъ обычнымъ.

Тамъ какъ цѣль русскаго посольства была достигнута, то оставаться дольше въ Бухарѣ не было надобности; поэтому агентъ мисіи отправилъ къ кушъ-беги письмо, въ которомъ сообщилъ ему день, когда мисія должна оставить Бухару. Кушъ-беги отвѣтилъ агенту, что препятствій къ выѣзду русскаго посольства не имѣется, и что, наканунѣ отъѣзда, эмиръ желаетъ принять мисію у себя.

17-го іюня, за день передъ отъѣздомъ изъ Бухары, послѣ полудня, намъ были присланы отъ эмира подарки, которые состояли въ слѣдующемъ: агенту пожалована лошадь со сбруею, три халата и 2 тысячи денегъ (400 рублей); офицерамъ и чиновникамъ по два халата и по 400 денегъ (80 р.); нижнимъ чинамъ по одному халату и по 40 денегъ (8 р.). Какъ ни отказывались члены мисіи отъ денегъ, но бухарцы убѣдительно настаивали, говоря, что деньги, по ихъ обычаю, суть лучшіе знаки выраженія дружбы и пріязни.

Передъ вечеромъ, когда спала жара, насъ пригласили къ эмиру. Обстановка при прощальной аудіенціи у эмира была такая же, какъ и при пріемъ (*). Агентъ благодарилъ его высокостепенство за радушіе, оказанное русскою мисіи въ Бухарѣ, и выразилъ надежду, что миръ между двумя сосѣдними странами не будетъ нарушенъ. Эмиръ отвѣчалъ, что сохраненіе мира было всегда его завѣтнымъ желаніемъ, что если происходили какія-нибудь несогласія, то они были

(*) См. статью „Путешествіе русской мисіи въ Бухару“ № 10 „Военнаго Сборника“ 1870 г.

слѣдствіемъ или недоразумѣній, или неправильнаго пониманія «своихъ книгъ» (*).

«Теперь», прибавилъ эмиръ, «я исполнилъ все, что ни требовалъ генераль-губернаторъ, и впередъ приму все мѣры къ тому, чтобы несогласія между сосѣдами не возникали больше».

— Молю Бога, возразилъ агентъ, чтобы слова вашего высоко-степенства сбылись. Мнѣ пріятно будетъ передать ваши слова генераль-губернатору, который несказанно обрадуется принятому вами рѣшенію

«Теперь государство бухарское слилось съ русскимъ и составляетъ съ нимъ одно, отвѣчалъ эмиръ. Живя въ Бухарѣ, вы жили какъ бы у себя дома. Мы старались дѣлать все пріятное и удобное не только вамъ, но и вашимъ купцамъ. Передайте генераль-губернатору, что отнынѣ русскіе люди всегда будутъ встрѣчаемы въ Бухарѣ, какъ дома».

Распростившись съ эмиромъ, мы сдѣлали визитъ его сыну Абдуль-Фаттахъ-хану. Молодой принцъ принималъ насъ въ какомъ-то довольно грязномъ и непривлекательномъ флигелѣ. Онъ сидѣлъ въ углу двухъ узкихъ и низкихъ коридорчиковъ, на простомъ полушелковомъ одѣялѣ, стеганомъ на ватѣ. Бушъ-беги, все время стоявшій, когда мы были у эмира, у принца не только усѣлся безъ приглашенія, но даже тотчасъ овладѣлъ разговоромъ съ агентомъ. Онъ просилъ агента передать генераль-губернатору, что, «пока нынѣшній эмиръ живъ и пока будутъ жить его доброжелатели, Бухара не сдѣлаетъ ни одного шага къ тому, чтобы навлечь на себя хотя тѣнь неудовольствія Россіи».

Размѣнявшись дипломатическими любезностями съ принцомъ и министромъ, агентъ и мы удалились.

Передъ воротами насъ задержали на нѣсколько минутъ: нужно было сбѣгать къ эмиру за «отвѣтомъ». «Отвѣтъ» означалъ благословеніе и позволеніе идти. И то, и другое было дано — и мы отпразднелись.

На другой день (18-го іюня), мисія, въ сопровожденіи шихаула, торжественно выѣхала изъ Бухары, пробывъ въ столицѣ Средней Азіи 27 дней.

Л. Костенко.

(*) Надо замѣтить, что причиною войны бухарцевъ съ русскими были подстрекательства «азиатскаго духовенства (мудлы), которое будто бы находило въ „своихъ книгахъ“ повелѣніе божества идти противъ неверныхъ и изгнать ихъ изъ Турана.